

Личный выбор убедительнее коллективного

Рецензия на книгу В. Радаева «Преподавание в кризисе»¹

Д.М. Рогозин

Статья поступила
в редакцию
в августе 2022 г.

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, директор Центра полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС; старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. E-mail: rogozin@ranepa.ru. Адрес: 119034, Москва, Пречистенская набережная, 11, стр. 1.

Аннотация

Книга Вадима Радаева представляет собой симбиоз автобиографических заметок с аналитической обработкой личных наблюдений, статистических и социологических данных, свидетельств коллег-преподавателей и студентов о процессе обучения в высшей школе. В первой части книги автор диагностирует современное состояние преподавания. Его диагноз — глубокий кризис, который обусловлен в первую очередь тем, что в вузы пришел новый антропологический тип студента — миллениалы и зумеры, у которых нет опыта сознательной жизни в советское время. Они отличаются от студентов предшествующих поколений представлениями, взглядами, требованиями. Высшая школа погружалась в кризис постепенно в течение нескольких последних десятилетий: происходил подрыв текстовой культуры, отказ от накопления культурного багажа, формировались новые требования к упаковке образовательных продуктов, у студентов «размывалась» мотивация, рассеивалось внимание. Пандемия, изоляция, вынужденные дистанционные форматы обучения лишь ускорили этот процесс. Во второй части книги Радаев предлагает программу преодоления кризиса, основанную не на жестких рецептах и инструкциях, а на профессиональных нормах, личных педагогических приемах и этической позиции преподавателя. Выход из кризиса возможен лишь тогда, когда к осознанию кризиса добавляется и личная позиция преподавателя, когда каждый ставит перед собой вопрос о смысле своей преподавательской деятельности. Радаев оставляет много вопросов открытыми, его книга подталкивает к размышлениям, опровержениям, дискуссии.

Ключевые слова

автоэтнография, высшее образование, методика обучения, непрерывное образование, пандемия COVID-19, преподаватель вуза.

Для цитирования

Рогозин Д.М. (2022) Личный выбор убедительнее коллективного. Рецензия на книгу В. Радаева «Преподавание в кризисе» // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 3. С. 250–262. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-250-262>

¹ М.: Издат. дом ВШЭ, 2022.

The Personal Choice Is More Reasonable than Collective

Review of the book: V. Radaev "Teaching in Crisis"

D.M. Rogozin

Dmitry M. Rogozin — Candidate of Sciences in Sociology, Director of Center for Field Research, Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Senior Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Address: Bld. 1, 11 Prechistenskaya Emb, 119034 Moscow, Russian Federation. E-mail: rogozin@ranepa.ru

Abstract The book by Vadim Radaev is a symbiosis of autobiographical writing and analytical processing of personal observations, statistics and sociological data, teachers' statements and students' claims about the learning process in higher education. In the first part of the book, Radaev detects a deep crisis in teaching, which is firstly caused by a new anthropological type of student with different ideas, views, demands (millennials and zoomers, without any significant experience in living in the USSR). Higher education has been gradually sinking into a crisis over the past decades (the undermining of narrative culture, the rejection of accumulation of cultural background, new requirements for the educational product packaging, the erosion of motivation, the distraction of attention, etc.), so the pandemic, isolation, forced distance learning formats have only accelerated this process. In the second part, Radaev proposes a program for overcoming the crisis, which is based on professional standards, personal pedagogical techniques, and the ethical position of a teacher, as distinguished to strongly worded prescriptions and instructions. A way out of the crisis is possible only when the personal position of the teacher is added to his or her awareness of the crisis, when the teacher reflects the meaning of his or her working activity. Radaev's book raises many issues, leaves them open, pushes the reader for contemplations, denials, and discussion.

Keywords autoethnography, higher education, teaching technique, lifelong learning, COVID-19, university teacher

For citing Rogozin D.M. (2022) Lichny vybor ubeditel'nee kollektivnogo. Retsenziya na knigu V. Radaeva "Prepodavanie v krizise" [The Personal Choice Is More Reasonable than Collective]. Review of the book: V. Radaev "Teaching in Crisis". *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 3, pp. 250–262. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-250-262>

Российская социология конца девяностых жила рассуждениями о переходе от административной экономики к рыночной: альтернативы общественного развития, социальная трансформация постсоветских пространств, общее и особенное в современном развитии, преобразования социальной сферы и социальная политика, кризис институциональных систем, акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса и т.д., и т.п. Два ключевых вопроса беспокоили российских интеллектуалов: куда идет Россия и кому это выгодно? Именно в это время сформировалась уникальная в своем единстве и про-

тиворечии социологическая школа. Александр Филиппов, Геннадий Батыгин, Александр Крыштановский и Вадим Радаев — ведущая четверка социологического факультета Московской высшей школы социальных и экономических наук. По границам — библиотека Шанинки, британские принципы организации учебного процесса, поддержка зарубежных фондов, ныне признанных нежелательными и даже экстремистскими, но в центре — Филиппов, Батыгин, Крыштановский и Радаев. Дополняющие через различия, обогащающие через противоречия, обучающие через личный выбор, эти ученые сформировали сотни российских социологов, им мы обязаны своим мировоззрением, принципами, взглядом на профессиональный мир.

Когда российские социологи, увлеченные трансформационными процессами, сами трансформировались в хроникеров и журналистов, Филиппов, Батыгин, Крыштановский и Радаев демонстрировали нам иные приоритеты: библиотека, теория, диалог и личный выбор. Библиотека — как поиск своих, даже сумасшедших или гениальных, идей у предшественников. Наука, в отличие от доктрины, не бывает индивидуальной. Теория — как единственная возможность познания, как язык описания с транспарентным представлением аргументов, интересов и амбиций. Диалог — как форма не только взаимодействия, но и жизни, основа профессиональной этики. Личный выбор — как ответственность и принятие рисков. Говорить и писать можно только то, что считаешь важным лично для себя и нужным для других. Нет в научных текстах, в научном знании общих мест, внеличных конструктов, нет знания без личного выбора.

Новую книгу Радаева — «Преподавание в кризисе» — нужно воспринимать в этом контексте личного выбора, автобиографического письма, в котором нет морали, но много достоинства и академической выправки. Преподавание погружено в кризис силой внешних причин, но их восприятие и осознание, сопротивление последствиям — всегда личный выбор и ответственность. Поэтому Вадим Валерьевич, обычно сторонящийся автоэтнографического подхода, сразу заявляет о субъективном, предельно личном стиле изложения (с. 15). Он как бы извиняется за субъективность, оставляет много вопросов без ответа, призывает к продолжению исследований, основанных на операционально выверенных, надежных и валидных подходах. И даже ошибается. Но в этих ошибках и извинениях заключено основное достоинство книги, которое лучше всего раскрывается через сопоставление с интервью Радаева, подготовленным Батыгиным², с первой монографией об академическом пись-

² Радаев В.В. (2000) «Заниматься неутилитарными вещами» // Социологический журнал. № 3/4. С. 186–200.

ме [Радаев, 2001] и с многочисленными публикациями, посвященными исследовательскому ремеслу [Радаев, 2006а; 2006в; 2011]. Радаев рассказывает о своей работе и делает это непосредственно, откровенно, без возвышенной риторики и воззваний. В книге больше сомнений и вопросов, чем убеждений и ответов. В этом и состоит основная особенность четверки лучших социологов конца девяностых, для меня — лучших навсегда. Вопросы важнее ответов. Сомнения значимее советов. И личный выбор убедительней коллективного.

Сильная сторона Радаева — систематичность, структурирование и детализация. Его стиль за рубежом сформировался в отдельную дисциплину — систематический обзор (systematic review). В России же в силу исконной многозадачности, многоуровневости исследовательской деятельности, отзывчивости исследователя на внешние запросы невозможно оставаться в рамках одного направления. И пусть для многих Радаев — классик российского представления экономической социологии [Радаев, 1997; 2005; 2006б; 2007; 2008; 2009], соавтор нашумевшего учебника по социальной стратификации [Шкаратан, Радаев, 1996], для меня он прежде всего профессионал в систематических обзорах, в том числе в упомянутых дисциплинарных областях. Поэтому и читать его тексты лучше с карандашом, выделяя схемы, переходы и аргументацию, составляющие каркас изложения, побуждающие к размышлению и критике.

Книга «Преподавание в кризисе» состоит из шести глав, разделенных на две части (рис. 1): диагностика кризиса (64% текста) и авторский вариант его преодоления или сопротивления кризису (36% текста). Все шесть глав представляют собой предельно личностное изложение сути преподавательского труда, основы всего образовательного процесса.

Рис. 1. Общая структура монографии

* Доля текста в монографии.

Труд преподавателя возможен лишь в условиях свободы, не скованной указаниями и понуканиями начальства, внешними стандартами и установлениями. Иначе речь будет идти не о преподавании, а о трансляции некоторого набора знаний и представлений, с чем куда успешнее человека справляются современные электронные системы. Такую свободу преподаватель обретает в учебной аудитории:

Несмотря на множество административных правил и ограничений, которыми обставлен учебный процесс и на которые преподаватели с удовольствием жалуются, по сути, в аудитории преподаватель предельно автономен и неподнадзорен (с. 10).

...что именно происходит у коллег-преподавателей в аудитории, мы, как правило, не видим и знаем лишь понаслышке — большей частью от студентов (с. 9).

Но она же создает одно из главных затруднений для роста преподавательского мастерства — изолированность и автономность коммуникации со студентами, отсутствие систематического накопления навыков и умений в преподавании. Когда-то давно в Шанинке внутренними регламентами были установлены процедуры горизонтальной интервизии преподавания: коллегам предписывалось посещать лекции друг друга, составлять краткие отчеты и предложения. Но практика так и не прижилась, переродилась в формальные отчеты. Не прижилась она и в других вузах. Преподаватели скорее склонны видеть в ней элементы контроля и надзора, внешнего принуждения, нежели помощи, конструктивной критики и методической рефлексии. Не случайно именно транспарентность и возможность внешнего наблюдения за преподаванием стала одной из причин негативного отношения преподавателей к дистанционному формату: им комфортней работать за непрозрачными не только для чужаков, но и для коллег стеклами.

Книгу Радаева можно рассматривать как средство для очистки осознанно замутненных стекол, ограждающих труд преподавателя от кого бы то ни было, кроме посещающих семинары и лекции студентов. Книга не о кризисе образовательных систем и управления образованием (с. 12), а о кризисе преподавания как непосредственной коммуникации между преподавателем и студентом (с. 13), между Вадимом Валерьевичем и его студенческой аудиторией:

Поскольку книга во многих случаях опирается на личный опыт, нельзя не осознавать его принципиальную ограниченность, тем более что речь идет о работе в Высшей школе экономики — большом и динамичном университете, который привлекает поистине лучших студентов страны и многих иностранных студентов (с. 15).

В этом предложении не хватает, на мой взгляд, упоминания Шанинки как первоосновы, истока базовых принципов преподавания, сформировавшихся в Высшей школе экономики. Не следует забывать, что факультет социологии НИУ ВШЭ

вырос из совместной программы с Московской высшей школой социальных и экономических наук, впитал и развил основных принципы именно британского образования, построенного на открытости, демократичности и личной ответственности как студентов, так и преподавателей.

Итак, перейдем к основным аргументам, доводам и предложениям автора.

В первой части (рис. 2) изложение построено на последовательном перечислении основных признаков погружения преподавательского сословия в кризис (55% текста первой части). Пандемия, самоизоляция и дистанционный формат (29%) лишь дополняют и усиливают складывающийся годами кризис, причина которого — в формировании нового антропологического типа студента (16%).

Рис. 2. Диагностика кризиса преподавания

* Доля текста в первой части монографии.

Основной признак кризиса, по Радаеву, — это утрата или разрушение текстовой культуры, значимости «медленного чтения» (с. 37), последовательной реконструкции авторского замысла. Автор стал незначимым атрибутом чтения для современного студента, которому куда важнее очищенные от сомнений логические конструкции, чем перипетии их формирования, неустойчивость и сомнения в поиске своего пути. Вместо

«культурного багажа» — практики информационных запросов (с. 39), вместо невзрачности и «мусора» в научных поисках — глянец образовательной упаковки в форме готовых слайдов, графиков, ранжированных выводов (с. 40–41). Невнимательность, рассеянность (с. 42–43), низкая мотивация (с. 45) и растущий прагматизм студентов (с. 47) обесценивают преподавательский труд, ставят под сомнение создававшуюся веками многоукладную форму организации образовательного процесса.

К ряду негативных для классической педагогической культуры тенденций добавляется размывание иерархии образовательных продуктов, появление новых альтернативных форм образования. Высшее образование становится массовым и теряет свою привилегированность, статусность, ресурсность для построения карьеры (с. 49–50). В самом начале Радаев предупреждает об ограниченности, локальности своего взгляда, что наиболее очевидно проступает в этом суждении. В качестве студентов автор видит лишь молодежь, и задачей образования в таком случае является подготовка к жизни, формирование карьерных перспектив. Отсюда постоянные отсылки к родительской аудитории (с. 50, 53, 58, 89), отношение к студентам как к младшим, менее образованным, нуждающимся в опеке, сопровождении и воспитании (с. 71, 95, 135, 141). Образование, по Радаеву, редуцируется до воспитания, профессиональной подготовки молодежи, открытия перед ними широких перспектив для самореализации.

Поскольку, по мнению Вадима Радаева, единственный субъект обучения — это несостоявшийся, неоформившийся, только что вступивший во взрослую жизнь «новый антропологический тип» (с. 18), именно его особенностям и свойствам следует уделять внимание, в них искать предпосылки кризиса. Сравнительное изучение поколений — исследовательский проект Радаева последних лет [Радаев, 2018; 2020] — как нельзя кстати поддерживает и развивает эту установку. Истоки кризиса наблюдаемы, операционализируемы, верифицируемы и вполне, даже на уровне здравого смысла, правдоподобны. Молодые более образованны, мобильны, ориентированы на здоровый образ жизни, амбициозны и требовательны. И одновременно они менее внимательны, менее ответственны, менее привязаны к карьере, семье и постоянному месту жительства. Молодежь стала другой — а значит, другим должно стать и образование.

В более широком контексте сегодня власть старших поколений подвергается атаке, их мудрость ставится под вопрос, а их опыт торопятся объявить безнадежно устаревшим. При этом для осуществления подлинного равенства младшим поколениям не хватает компетенций и зрелости (с. 70).

Но на деле за убедительными выводами, за очевидным набором причин скрывается, как ни парадоксально, обыкновенный эйджизм, а именно принципиальное неприятие представителей старших возрастных групп как студентов. Радаев даже не упоминает о непрерывном образовании, о мировом тренде включения старших возрастов во все форматы обучения, о росте численности людей пенсионного возраста, поступающих в университеты, о ключевой роли дробления образовательных программ (бакалавриат, магистратура, дополнительное профессиональное образование) таким образом, чтобы можно было расширять и разнообразить образовательные практики на протяжении всей жизни. Когда вся объяснительная конструкция строится на воспитании и образовании младших, игнорируются смешение людей разного возраста в учебной аудитории и нивелирование возрастных различий, несложно попасть в ловушку ложной трактовки наблюдаемого кризиса. Причина последнего не столько в изменяющемся антропологическом типе нового поколения, сколько в смене установок всей популяции, независимо от года рождения.

Радаев отрицает поколенческий конфликт у преподавателей, отмечая ролевую природу многих затруднений, с которыми сталкиваются как молодые, так и пожилые преподаватели (с. 57), но не допускает мысли, что подобные объяснительные конструкции могут быть применены и к студентам. Просто конструкция «старший», или «пожилой», студент, и обучение как часть жизни, а не только подготовка к ее взрослому периоду не вписываются в сформировавшуюся теоретическую рамку института образования как такового:

...хороший университет — это не столько труба для трансляции знаний, сколько в первую очередь сообщество коллег — старших (преподавателей и сотрудников) и младших (студентов и аспирантов) (с. 95).

Мы исходим из того, что университет представляет собой искусственно сконструированную среду, которая тренирует, готовит человека к самостоятельной профессиональной и личной жизни во внешнем («реальном») мире (с. 122–123).

Студенты приходят в университет не только (и в возрастающей мере не столько) за знаниями, но с надеждой найти какую-то опору в этом турбулентном мире, они ожидают, что мы поможем им определиться в эти критически важные для них формативные годы, когда культивируется характер взрослого человека (с. 186).

Безусловно, в Высшей школе экономики, как и в большинстве российских вузов, в бакалавриат в основном приходят после школы, в магистратуру — после бакалавриата, а в аспирантуру — после магистратуры. Радаев, скажете вы, не проявляет эйджизм, а лишь констатирует очевидные факты, описывает складывающиеся реалии образовательной среды. Но эта среда рукотворна, и ее реалии, в том числе, конструируются через установки основных участников и организаторов этой среды, к каковым относится и первый проректор ведущего вуза страны. Теорема Томаса как никогда актуальна в сфере образования: если нечто признается реальным, оно становится реальным по своим последствиям. Эйджизм и есть механизм конструирования такой реальности педагогического кризиса, в которой причины видятся в различиях поколений, а не в постепенном изменении установок и представлений о роли образования у людей всех возрастов.

Образование в современном мире перестало быть этапом подготовки к будущему, оно стало частью настоящего, актуального, действительного. Об образовании как о неотъемлемой части жизни современного человека любого возраста идет речь во второй части книги, где автор невольно опровергает собственные эйджистские представления, актуализируя подходы к обучению, построенные скорее на диалоге и сотрудничестве, чем на воспитании и подготовке.

Посмотрим внимательнее на вторую часть книги (рис. 3). Изложение построено на перечислении личных принципов преподавательского ремесла и способов их сохранения (51% текста второй части). Через осознание этих принципов и последовательное, неуклонное их применение формируется ответ на самый важный вопрос любой профессиональной деятельности, преподавательской в том числе: зачем? (27%). Зачем преподавать? Наконец, личный опыт, удачная и неудачная практика принуждения к аналитическому чтению и есть основа преподавательского мастерства, реификация базовых педагогических принципов (22%).

Пожалуй, основным принципом преподавательской деятельности, по Радаеву, выступает следование общим академическим навыкам, присущим всем исследовательским профессиям: критическому мышлению, проблематизации, работе со сложным материалом по четким и воспроизводимым процедурам через содержательную и корректную коммуникацию с коллегами, каковыми выступают и студенты.

В этой части книги Вадим Валерьевич делится своим опытом, уникальными и одновременно универсальными приемами взаимодействия со сложной, взыскательной аудиторией. Экспериментируя, проверяя эффективность и результативность

Рис. 3. Способы преодоления кризиса в преподавании

* Доля текста во второй части монографии.

образовательных нововведений, Радаев то вводит ежедневные домашние задания, когда студент должен письменно кратко ответить на один неоднозначный вопрос по обсуждаемой теме, то требует самостоятельного поиска кейсов, личных рассказов, то инициирует проведение мини-исследований и проектов, то организует дебаты с определением заранее противоборствующих точек зрения (с. 131–132). Вариативность педагогической практики, подчеркивает Радаев, направлена не на развлечение, а на вовлечение студентов в изучаемую проблематику, на погружение их в сферу неоднозначного и неочевидного исследовательского опыта.

Подобные открытые описания личных педагогических приемов редки, тем большую ценность представляет рецензируемая книга. Радаев не только описывает собственный опыт, откровенно рассказывая и об успехах, и о неудачах в аудитории. Он предлагает транспарентную методологию педагогического труда, в основе которой лежит систематический разбор действительных практик, а не нормативных утверждений и долженствований.

Докладывать о собственных достижениях легко и приятно, а препарировать собственную деятельность, во-первых, неприятно (никогда не хочется рассказывать о собственных ошибках), а во-вторых, мы просто к этому не привыкли. Это даже не вопрос исследовательской честности или открытости, а вопрос методологии. Мы чаще всего не умеем это делать, у нас такие рассказы, как правило, не выстроены (и у меня в том числе) (с. 138).

Когда преподавание — это не только средство заработка, профессиональная карьера и место общения, но и призвание, нечто, без чего не мыслишь свою жизнь, вопрос о причинах построения карьеры в университете отпадает. Если можешь не преподавать, не преподавай. Этот род человеческой активности, как и труд писателя, художника, ученого, становится успешным лишь тогда, когда не можешь иначе, не мыслишь себя вне этой среды, какой бы сложной, неоднозначной и травмирующей она ни была.

Рассуждая о преподавании, Вадим Валерьевич вспоминает об отце, о своем желании подражать ему и продолжать его дело (с. 167), о призвании, берущем начало в профессорской династии. Во главу угла он ставит умение излагать просто самые сложные и неочевидные даже после многолетнего изучения вопросы.

Для того чтобы разложить все «по полочкам», приходится решать для себя многие вопросы, не замыкаясь исключительно на наиболее понятных тебе исследовательских вопросах. В процессе такого погружения начинаешь лучше видеть дыры в своем образовании и понимании, потихоньку их закрывать. И это помогает продвигаться профессионально по тривиальной схеме: «чтение — продумывание — проговаривание — написание текстов». В моем случае выработка относительно системного понимания нового для меня предмета (экономической социологии) начиналась (помимо чтения) именно с подготовки курса лекций для студентов. Из записей лекций возникла серия журнальных статей, статьи вскоре были преобразованы в книгу, а из книги с легкостью вышла докторская диссертация. И это не единственная книга, которая появилась у меня подобным образом (с. 168).

Преподавание, по Радаеву, — это неотъемлемая часть процесса познания, исследовательского процесса, вовлекающего тебя целиком, перерабатывающего и трансформирующего твое незнание через тривиальную транзитивную схему чтения, продумывания, проговаривания и письма. Преподавание — это и

источник энергии (с. 170), и тренажер для самоконтроля (с. 171), и средство формирования навыков преодолеть сложные ситуации (с. 176), и личный вызов, рубеж, который нужно преодолеть, чтобы оставаться не только профессионалом в деле, но и человеком по жизни. Преподавание для Радаева — это призвание, и книга свидетельствует об этом непосредственно и ярко, со всей очевидностью автобиографического письма, в котором потребность в объективной точке зрения постепенно замещается куда более значимым и надежным субъективным опытом. Потому как многое меняется, но самое важное остается без изменений. Вадим Радаев по-прежнему участник той бессмертной шанинской четверки социологов, наставников лично для меня, для многих моих коллег. И личный опыт убедительнее коллективного. Сомнения значимее советов, а вопросы важнее ответов.

Статья написана в рамках выполнения госзадания РАНХиГС.

Литература

1. Радаев В.В. (2020) Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ.
2. Радаев В.В. (2018) Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. № 3. С. 15–33. doi:10.7868/S0132162518030029
3. Радаев В.В. (2011) Как написать академический текст // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 1. С. 271–293. doi:10.17323/1814-9545-2011-1-271-293
4. Радаев В.В. (2009) Экономическая борьба и социальные связи: структура конкурентных отношений в новом российском ритейле // Экономическая социология. Т. 10. № 1. С. 19–56.
5. Радаев В.В. (2008) Современные экономико-социологические концепции рынка // Экономическая социология. Т. 9. № 1. С. 20–50.
6. Радаев В.В. (2007) Что такое рынок: экономико-социологический подход // Общественные науки и современность. № 3. С. 115–127; № 4. С. 117–132.
7. Радаев В.В. (2006а) Новые формы организации учебного процесса: на примере ГУ ВШЭ // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 1. С. 254–275.
8. Радаев В.В. (2006б) Экономическая социология в России: становление, институционализация и основные направления исследований // В.В. Радаев, М.С. Добрякова (ред.) Экономическая социология: автопортреты. М.: ГУ ВШЭ. С. 379–413.
9. Радаев В.В. (2006в) Исследовательские институты: состояние и проблемы // В.А. Куренной (ред.) Мыслящая Россия: картографии современных интеллектуальных направлений. М.: Наследие Евразии. С. 35–45.
10. Радаев В.В. (2005) Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ.
11. Радаев В.В. (2001) Как организовать и представить исследовательский проект: 75 простых правил. М.: ГУ ВШЭ; Инфра-М.
12. Радаев В.В. (1997) Экономическая социология: курс лекций. М.: Аспект-пресс.
13. Шкаратан О.И., Радаев В.В. (1996) Социальная стратификация. М.: Аспект-пресс.

- References**
- Radaev V.V. (2020) *Millenialy: kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo* [Millennials: How Russian Society Is Changing]. Moscow: HSE.
- Radaev V.V. (2018) Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokoleniy: empiricheskij analiz [Millennials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia / Sociological Studies*, no 3, pp. 15–33. doi:10.7868/S0132162518030029
- Radaev V.V. (2011) Kak napisat' akademicheskij tekst [How to Write an Academic Paper]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 271–293. doi:10.17323/1814-9545-2011-1-271-293
- Radaev V.V. (2009) Ekonomicheskaya bor'ba i sotsial'nye svyazi: struktura konkurentnykh otnosheniy v novom rossijskom ritejle [Economic Struggle and Social Ties: The Structure of Competitive Relationships in New Russian Retail Market]. *Economic Sociology*, vol. 10, no 1, pp. 19–56.
- Radaev V.V. (2008) Sovremennye ekonomiko-sotsiologicheskie kontseptsii rynka [Modern Economic-Sociological Concepts of the Market]. *Economic Sociology*, vol. 9, no 1, pp. 20–50.
- Radaev V.V. (2007) Chto takoe rynek: ekonomiko-sotsiologicheskij podkhod [Economic-Sociological Approach to the Market]. *Social Sciences and Contemporary World*, no 3, pp. 115–127; no 4, pp. 117–132.
- Radaev V. (2006a) Novye formy organizatsii uchebnogo protsessa (analiz opyta GU-VShE) [New Ways of Organizing Education (on the Example of the SU HSE)]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 254–275.
- Radaev V.V. (2006b) Ekonomicheskaya sotsiologiya v Rossii: stanovlenie, institucionalizatsiya i osnovnye napravleniya issledovaniy [Economic Sociology in Russia: Formation, Institutionalization and Main Directions of Research]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya: avtoportrety* [Economic Sociology: Self-Portraits] (eds V.V. Radaev, M.S. Dobryakova), Moscow: HSE, pp. 379–413.
- Radaev V.V. (2006c) Issledovatel'skie instituty: sostoyanie i problemy [Research Institutes: State and Problems]. *Myslyashchaya Rossiya: Kartografii sovremennykh intellektual'nykh napravleniy* [Thinking Russia: Cartography of Modern Intellectual Trends] (ed. V.A. Kurennoy), Moscow: Nasledie Evrazii, pp. 35–45.
- Radaev V.V. (2005) *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Moscow: HSE.
- Radaev V.V. (2001) *Kak organizovat' i predstavit' issledovatel'skiy projekt: 75 prostykh pravil* [How to Organize and Present a Research Project: 75 Simple Rules]. Moscow: HSE; Infra-M.
- Radaev V.V. (1997) *Ekonomicheskaya sotsiologiya: kurs lektsiy* [Economic Sociology: Course of Lectures]. Moscow: Aspekt-press.
- Shkaratan O.I., Radaev V.V. (1996) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social Stratification]. Moscow: Aspekt-press.